

Научная статья

УДК 94(47)

DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.13

Служба оренбургских и уральских казаков в Казанской губернии в XIX веке

Наталья Анатольевна Кореева

Федеральный исследовательский центр «Казанский научный центр Российской академии наук», Казань, Россия, KoreevaNata@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0049-4303>

Аннотация. В XIX в. казаки Оренбургской и Уральской сотен осуществляли полицейскую службу в губернском городе Казани и во всех уездах Казанской губернии, оказывая тем самым помощь местным органам власти. Источники, хранящиеся в фондах Государственного архива Республики Татарстан и Российского государственного исторического архива, позволили установить маршруты их передвижения, повседневные аспекты службы, особенности распределения казачьих подразделений по уездам, размер жалованья. Сформулирован вывод о том, что присутствие казаков имело важное значение для поддержания правопорядка и законности, борьбы с разбойниками, одновременно являясь способом давления со стороны властей на местное население при сборе недоимок. Приведены примеры девиантного поведения некоторых казаков.

Ключевые слова: казаки, Оренбургское казачье войско, Уральское казачье войско, Казанская губерния, полицейская служба.

Для цитирования: Кореева Н. А. Служба оренбургских и уральских казаков в Казанской губернии в XIX веке // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2024. № 3 (51). С. 207—230. URL: http://vestospu.ru/archive/2024/articles/51/13_51_2024.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2024.51.13.

Original article

Service of Orenburg and Ural Cossacks in the Kazan province in the 19th century

Natalia A. Koreeva

Federal Research Center “Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Kazan, Russia, KoreevaNata@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-0049-4303>

Abstract. In the 19th century, the Cossacks of the Orenburg and the Ural hundreds carried out police service in the provincial city of Kazan and in all districts of the Kazan province, thereby providing assistance to the local authorities. The sources deposited in the funds of the State Archive of the Republic of Tatarstan and in the Russian State Historical Archive made it possible to establish the routes of their movement, everyday aspects of their service, the peculiarities of the distribution of Cossack units by districts, the amount of their salary. The conclusion is formulated that the presence of Cossacks was important for maintaining law and order, struggling with robbers, while at the same time being a way of pressure from the authorities on the local population when collecting arrears. Examples of deviant behavior of some Cossacks are also given in the article.

Keywords: Cossacks, Orenburg Cossack army, Ural Cossack army, Kazan province, police service.

For citation: Koreeva N. A. Service of Orenburg and Ural Cossacks in the Kazan province in the 19th century. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2024, no. 3 (51), pp. 207—230. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2024.51.13>.

© Кореева Н. А., 2024

Введение

В XIX столетии в Казанскую губернию для осуществления коммерческих операций и поиска работы стекалось большое количество торговцев, бурлаков, судорабочих. В одной только Казани каждый летний сезон в 1830-х гг. население увеличивалось до 80 тыс. человек (по данным за 1825 г., всего в городе насчитывалось 36 963 жителя) [30, л. 9; 36, с. 30—31]. Перед местной властью остро возникала проблема поддержания общественного порядка. Для этого, во-первых, работала полиция (по штату — 416 человек, а фактически в 1832 г. — 324 человека), во-вторых, на постоянной основе с 1820-х гг. по 1870 г. содержалось две сотни казаков Уральского и Оренбургского войск, в-третьих, осуществлялось крейсирование по Волге гардкоутов (малых парусных судов для охраны судоходства). Казанский военный губернатор С. С. Стрекалов жаловался в 1832 г. министру внутренних дел на кадровый состав местной полиции. По его словам, это были большей частью «престарелые и увечные, почти не способные к обеспечению города даже исправным будочным караулом» [30, л. 9]¹. Для усиления охраны путей сообщения от грабежей и разбоев местная власть неоднократно делала запросы на увеличение количества казаков.

Изучению разных аспектов службы Оренбургского и Уральского казачьих войск посвящено множество работ дореволюционных, советских и современных авторов. Территориальные рамки их исследований ограничены землями, на которых непосредственно располагались войска (Оренбургской губернией и Уральской областью), а службе казаков в других местностях (в частности, в Казанской губернии) уделено ничтожно мало внимания. В данной статье предпринята попытка ликвидировать пробелы в исторической науке, связанные с пребыванием казачьих подразделений в Казанской губернии.

Впервые попытки охарактеризовать их деятельность на территории Казанской губернии были предприняты в исторических очерках, записках, справочниках XIX века [24; 25; 37], но их авторы и составители ограничились лишь описанием некоторых функций казачьих войск и определением хронологического периода нахождения их в этой местности. Примечателен труд советского историка Е. И. Чернышева, изобилующий эпизодами участия казаков в подавлении народных волнений на территории Казанской губернии [39]. Современные работы посвящены вопросам комплектования казачьих формирований и организации службы казаков в Российской империи в целом, а также непосредственно на войсковой территории, их экономическому развитию, особенностям социальной психологии, культуры и быта (монографии Е. В. Годовой [19; 20], диссертация А. Ю. Соклакова [34]); некоторые исследователи упоминают о полицейской службе казаков в Москве, Казани и Казанской губернии (монографии Р. Р. Аминова [1], А. М. Дубовикова [23], В. С. Кобзова и В. М. Шадрина [26, с. 113—114], В. А. Кузнецова [27, с. 167—178], Р. Р. Хайрутдинова [38], диссертации К. П. Буртного [2, с. 58], Т. К. Махровой [28, с. 97], Д. Н. Соловьева [35, с. 301—302], А. М. Дубовикова [22, с. 64—65] и др.).

Среди всех работ обращают на себя внимание труды В. М. Шадрина, в которых он обозначил в качестве отдельной темы исполнение казаками Оренбургского и Уральского войск полицейских обязанностей, разделив их на военно-полицейские и административно-полицейские [26; 40; 41]². Автор в совместной с В. С. Кобзовым монографии рас-

¹ С. С. Стрекалов предлагал укомплектовать корпус внутренней стражи сильными и здоровыми нижними чинами, уволив в отставку всех инвалидов (так называли отслуживших воинов, неспособных более к службе из-за увечий, ран, старости), увеличить количество людей в корпусе, но его прошения не были удовлетворены даже после переписки с Инспекторским департаментом Военного министерства.

² В Оренбургской губернии казаки, кроме функций охраны общественного порядка, надзора за торговлей, борьбы с беглыми крепостными и дезертирами, службы в составе пожарных команд, охраняли транспорт с ценностями и продовольствием, осуществляли охрану соляных озер и золотых приисков, встречали хивинские и бухарские караваны, обеспечивали безопасность царских чиновников, участвовали в работе научных экспедиций [26, с. 101—102].

крыл некоторые аспекты полицейской службы казаков в Москве, на Нижегородской и Ирбитской ярмарках, на территориях Казанской и Пермской губерний [26, с. 107—114; 40, с. 16].

Цель статьи — рассмотреть особенности прохождения службы казаков Оренбургского и Уральского казачьих войск, командированных в Казанскую губернию, в XIX в.

Задачи исследования:

1. Определить роль казаков в сфере охраны общественного порядка в Казанской губернии в XIX в.
2. Изучить маршруты передвижения казачьих подразделений к месту временной службы на территории Казанской губернии.
3. Выявить особенности распределения казаков по уездам губернии и их должностные обязанности.
4. Установить источники финансирования казачьих формирований и размер жалованья должностных лиц.
5. Исследовать формы и методы деятельности казаков по предупреждению и раскрытию преступлений.
6. Рассмотреть некоторые черты бытовой повседневности казаков во время прохождения ими службы.

Источниковой базой исследования стала делопроизводственная документация, относящаяся к рассматриваемой теме, которая пока не введена в научный оборот: переписка казанских губернаторов и войскового начальства, отчеты земских исправников губернаторам, а также донесения губернаторов в адрес Министерства внутренних дел, хранящиеся в фондах Российского государственного исторического архива, Государственного архива Республики Татарстан. Все эти источники наиболее полно раскрывают службу казаков в Казанской губернии начиная с 1830-х гг.

Результаты исследования

Обоснование необходимости службы казаков в Казанской губернии

В имеющейся литературе присутствуют различные точки зрения о том, когда именно началась служба оренбургских и уральских казаков на территории Казанской губернии. Согласно дореволюционной «Краткой хронике казачьих войск и иррегулярных частей», составленной В. Х. Казиным, еще в 1807 г. в Казань было командировано из Оренбургского казачьего войска «200 казаков для конвоирования почт и арестантов, а также для поддержания порядка в губернии», а затем это стало осуществляться ежегодно [25, с. 261]. В исследовании В. А. Кузнецова приводятся данные о том, что «в 1807 г. была сформирована команда в Казань из 400 казаков для несения годичной внутренней службы», которая должна была заменить казаков Донского казачьего полка [27, с. 167]. Историк Р. Р. Аминов пишет о направлении 417 нагайбаков-казаков в 1807 г. в губернию с целью сопровождения преступников, которых этапировали в Сибирь [1, с. 139].

В историческом очерке «Столетие военного министерства» имеется упоминание о том, что с 1822 по 1870 г. «Уральское войско содержало одну сотню для полицейской службы в Казани» [37, с. 479]. Подобную информацию мы находим и в трудах В. Х. Казина [25, с. 227], Д. Н. Соловьева [35, с. 301—302].

Кроме Казанской губернии, войска командировали с теми же целями в Москву (по одним данным, с 1822 г. [24, с. 57], по другим — с 1820 г. [25, с. 262], по мнению А. М. Дубовикова и Д. Н. Соловьева — с 1818 по 1862 г. [22, с. 64; 35, с. 301]), а также на Нижегородскую ярмарку (по Т. К. Махровой — с 1817 по 1873 г. [28, с. 97], по В. А. Кузнецову — с 1822 г. [27, с. 170]), в г. Ирбит, в Симбирскую, Вятскую, Пермскую губернии. Все эти территории были связаны между собой торговыми трактами, а Казанская губерния

занимала центральное положение — через нее провозили товары на Ирбитскую, Нижегородскую ярмарки, в Кяхту, на уральские заводы и обратно, сюда стекались «люди всех азиатских наций, вероисповеданий и сословий» [30, л. 8].

Требую от Министерства внутренних дел усиления местной полиции, губернатор С. С. Стрекалов писал в 1832 г., что разбойничьим нападениям способствовали леса, овраги, безлюдные места, в которых скапливались «шайки злонамеренных людей», а также населенные пункты, жители которых боялись или не желали выдавать преступников и места, где они могли укрыться от преследования. Поэтому на глухих, малопроезжих дорогах, возле лесов планировалось установить пикеты с казаками.

Ситуация не изменилась даже спустя несколько десятилетий. Казанский губернатор Н. Я. Скарятин в 1869 г. охарактеризовал ее следующим образом: «Казань стоит на большом Сибирском тракте, близ рек Волги и Камы, имеет много пристаней, на которые нередко прибывают беспаспортные и подозрительные лица, а с прекращением судоходства почти весь рабочий люд направляется в г. Казань или остается в уездах, так что с постоянными жителями число находящихся в городе доходит до 100 т[ысяч] л[иц], из которых многие, не зная никаких ремес[е]л, не занимаясь промыслами, ведут подозрительный образ жизни и потому за таковыми лицами постоянно, строго и зорко должна следить полиция, что было бы решительно невозможно с одними полицейскими командами в настоящем их составе» [17, л. 2]. Губернатор отмечал, что эти лица разбредаются по разным частям города, снимая квартиры в отдаленных улицах, в глухих местах, останавливаясь у пристанодержателей и скупщиков краденого. В уездах поимка беспаспортных, дезертиров и беглецов сельскими объездчиками и крестьянами была неэффективна «по вялости, нерасторопности и кротости» последних.

Губернаторы указывали на особенность Казанской губернии — проживание здесь разнородного по этническому составу населения — русских, татар, чувашей, черемисов, мордвы. Особую тревогу у С. С. Стрекалова вызывали «инородческие племена», находившиеся, по его словам, «в полудиком состоянии и глубоком невежестве», склонные к укрывательству беглых, кражам, недоимкам, лжесвидетельству на суде и другим преступлениям. В текстах донесений Н. Я. Скарятин также встречается предубеждение против татар¹, которые якобы по своему религиозному мировоззрению считали позволительным «обворовать, ограбить и убить каждого, не принадлежащего к магометанству» [17, л. 2 об.].

В прошениях губернаторов почти не поднимался вопрос о необходимости борьбы с народными волнениями и использования для этой цели казачьих формирований. С. С. Стрекалов лишь упомянул, что в Казани располагалось множество заводов и фабрик, особенно суконная фабрика Осокиных, мастеровые и рабочие люди которой были известны «буйным и безнравственным поведением», и что их приходилось усмирять [30, л. 8—8 об.]. Архивные данные изобилуют случаями привлечения к этому казаков, о чем будет сказано ниже.

Маршруты передвижения казачьих подразделений

В 1867 г. казанскому губернатору поступило официальное письмо от Войскового дежурства² Оренбургского казачьего войска за подписью командующего войском о

¹ Н. Я. Скарятин жестоко подавил волнения татарских крестьян в 1878—1879 гг., а после проведения сенаторской ревизии в 1880 г. был отправлен в отставку с должности губернатора и отдан под суд, в 1883 г. помилован.

² Войсковое дежурство — орган военного управления Оренбургского казачьего войска, который, согласно указу от 12 декабря 1840 г., состоял из начальника штаба, войскового дежурного штаб-офицера, двух старших адъютантов из обер-офицеров и аудитора. Войсковое дежурство занималось составлением формулярных списков, рапортов о состоянии войска, донесений о чрезвычайных происшествиях, отче-

направлении на полицейскую службу в Казанскую губернию команды, состоявшей из 2 обер-офицеров, 11 урядников, 166 казаков и 179 строевых лошадей. Команда должна была выступить из Кундравинской станицы 1 июня и прибыть в Казань 22 июля, чтобы сменить предыдущую, отслужившую двухлетний срок [15, л. 1]. Казанского губернатора просили оказать содействие в обеспечении безостановочного движения команды и ее довольствия в уездах Казанской губернии. С отрядом были отправлены есаул Соколов и сотник Петров. К отношению был приложен маршрут следования подразделения: первоначально казаки передвигались по территориям Оренбургской, Уфимской и Вятской губерний¹, затем — Казанской губернии, через Мамадышский уезд (здесь планировалась переправа через р. Вятку, затем шли в деревни Белый Ключ, Никифорово, Тюбяк), Лаишевский уезд (с. Тюлячи — здесь осуществлялась переправа через р. Мешу, далее путь лежал через с. Знаменское, д. Апаково), Казанский уезд — починок Шигалеевский, г. Казань. Протяженность пути составляла 837 $\frac{1}{4}$ версты², которые команда должна была преодолеть за 58 дней марша. Насчитывалось 38 переходов между разными населенными пунктами. О движении казаков были оповещены мамадышский, лаишевский, казанский уездные исправники Казанской губернии.

Обратный путь Оренбургской казачьей сотни пролегал через те же губернии³. Предусматривалось 14 «дней» (суточных перерывов для отдыха), которые назначались после прохождения расстояния от 41 до 73 верст. Весь маршрут необходимо было пройти за 52 дня, протяженность его составляла 829 $\frac{1}{4}$ версты [15, л. 15]. На родину отправлялись 1 штаб-офицер, 11 урядников и 150 казаков при 162 лошадях.

Команда Уральского казачьего войска, направленная из Уральска в Казань в 1866 г., проходила через земли Уральского войска, Самарскую, Казанскую губернии [9, л. 7—7 об.]. От д. Старой Сахчи Самарской губернии до Казани примерно 194,5 версты; в пределах Казанской губернии казаки проходили через следующие населенные пункты: в Спасском уезде — с. Юхмачи, деревни Нижнее Алькеево, Базарные Матаки, Ямбухтино, Измери, затем осуществляли переправу через р. Каму, в Лаишевском уезде — д. Епанчино, г. Лаишев, затем переправлялись через р. Мешу, проходили через д. Нармонку, с. Столбище в Казань.

На обратном пути, от Казани до Уральска, необходимо было пройти 570 с четвертью верст, совершить 21 переход между населенными пунктами за 28 дней марша и 7 «дней» о расходах войскового капитала, рассмотрением претензий и жалоб офицеров и нижних чинов и др. В 1872 г. войсковое дежурство было переименовано в войсковой штаб, функционировавший до 1917 г.

¹ Казаки прошли по маршруту от станицы Кундравинской Троицкого уезда Уфимской губернии через следующие населенные пункты: в Оренбургской губернии — Миасский завод, с. Сыростан; в Уфимской губернии, в Златоустовском уезде — через Златоустовский завод, д. Куваши, Саткинский завод, д. Айлина (здесь осуществлялась переправа через р. Ай), д. Верхние Киги, с. Месегутово, д. Улькунды, с. Тастуба, в Бирском уезде — через с. Каирово, д. Апрелова, с. Байки, д. Ягвильдина, д. Ново-Троицкое, д. Малая Сорокина, д. Чабыкова, г. Бирск, д. Чишма, д. Суккулова, д. Ишкарова, д. Яркеева, в Мензелинском уезде — д. Байсарова, д. Поисева, д. Мелькени, с. Можарово (здесь была переправа через р. Ик), г. Мензелинск, д. Кузембетова, с. Мысовые Челны. В Вятской губернии они проходили через Елабужский уезд — г. Елабугу и село Старую Мурзиху.

² 1 верста в метрических мерах составляет 1,067 км.

³ В пределах Казанской губернии проходили через Казанский уезд — починок Шигалеевский (без захода в д. Апаково), Лаишевский уезд — с. Знаменское, Тюлячи; Мамадышский уезд — деревни Тюбяк, Никифорово, Белый Ключ, г. Мамадыш, здесь осуществляли переправу через р. Вятку, попадали в Елабужский уезд Вятской губернии, в д. Лекарево, и, не заходя в Старую Мурзиху, следовали в Елабугу и Мысовые Челны (в этом месте осуществляли переправу через р. Каму); до конечной станицы Кундравинской шли через те же населенные пункты, что и в обратном направлении.

вок»¹. Команда начала движение из Казани 18 июня, а прибыть в Уральск должна была 15 июля 1866 г. Во время похода казаки не получали фуражного довольствия, и, как писал в мае того же года в своем рапорте губернатору начальник Уральской казачьей сотни войсковой старшина Мартынов, «отвод пастбищных мест бывает крайне стеснителен для сельских обывателей и неудовлетворителен для накормления казачьих лошадей» [9, л. 6—6 об.]. По этой причине маршрут, по которому двигалась команда, был составлен так, чтобы сократить расстояние и количество переправ (например, казаки Уральской сотни по пути на свою родину миновали города Лаишев, Самару).

Канцелярия наказного атамана Уральского казачьего войска по военной части направила в 1866 г. казанскому гражданскому губернатору прошение (за подписью наказного атамана генерал-майора Н. А. Веревкина) «о беспрепятственном проследовании команды», о высылке для ее сопровождения чиновников земской полиции и отводе пастбищных мест [9, л. 8]. Кроме того, Веревкин просил обеспечить казаков двумя обывательскими подводами (лошадьми) для хлебопеков, для перевозки больных и «заручной амуниции».

Случалось и так, что казаки в пути оставались без ночлега. Начальник Уральской казачьей сотни подполковник Курилин своим рапортом от 10 июня 1866 г. донес казанскому губернатору, что в Лаишеве из всех полицейских чиновников он нашел только одного надзирателя Краснопевцева, который не оказал «должного содействия к продовольствию сотенных лошадей», а сам отлучился из города; жители города не приняли на продовольствие ни казаков, ни лошадей [9, л. 19—19 об.]. Городской староста в этих условиях выделил небольшое пастбище, которого хватило всего на одну ночевку. Это побудило Курилина сделать дополнительную «дневку» на следующей «станции», в д. Нармонке.

Командир Оренбургской казачьей сотни войсковой старшина Красноярцев также обращал внимание казанского губернатора на «достаточность отводимых в селениях пастбищных мест для подножного корма лошадей» [15, л. 13]. В Лаишевском уезде для его команды пастбища были выделены в селах Пановка и Тюлячи. Лаишевская уездная земская управа часто получала уведомления о движении казаков за несколько дней до их вступления в уезд, когда переписка с волостными правлениями была уже невозможна, и вынуждена была командировать своего представителя на Мамадышский тракт для непосредственных распоряжений на месте. Чиновники земской управы жаловались на медлительность военных чиновников, которая противоречила Уставу о земских повинностях, затрудняла своевременное предоставление подвод и прочих потребностей для проходивших войск.

Распределение и служба казаков в Казанской губернии

24 июня 1829 г. Министерство внутренних дел предписало казанскому гражданскому губернатору И. Г. Жеванову принять меры к прекращению «усилившихся» грабежей, и он учредил на дорогах пикеты [30, л. 5 об.]. В каждый из пикетов определяли, как правило, по 1 казаку и по 6 крестьян, назначаемых ежедневно из окрестных селений (не далее 15-верстного расстояния от деревни, в которой они проживали). Неоднократно отмечалось, что пикетная повинность вызывала жалобы крестьян, так как пикеты были

¹ Маршрут был построен следующим образом: г. Казань — Лаишевский уезд (д. Нармонка и д. Епанчино, где осуществлялась переправа через р. Каму) — Спасский уезд Казанской губернии (с. Пичкасы, д. Базарные Матаки, с. Юхмачи); далее путь пролегал в Ставропольский уезд Самарской губернии (в д. Старая Сахча, затем переправлялись через реки Большой и Малый Черемшан, шли в д. Новый Сентемир), Самарский уезд (с. Борма, с. Кобельма, переправлялись через р. Сок, шли в села Красный Яр, Кривая Лука, затем была переправа через р. Большой Кинель), Бузулукский уезд (слобода Мочинская, переправа через р. Самару, с. Богдановка, д. Ивановка), Николаевский уезд (с. Каралык, с. Россось) и далее шли через населенные пункты Уральского войска: Грязной, Озерной, Красный, Чувашский, Уральск.

распределены по территории уезда неравномерно. По мнению Н. Я. Скарятина, казаки «нахождением своим на этих постах обеспечивают безопасность проезда и спокойствие окрестных жителей, имея сильное нравственное влияние на татар и других инородцев» [17, л. 3].

Находившиеся в уездах исправники придерживались другого мнения. О пикетах чистопольский уездный исправник с горечью писал: «Но что можно сделать? Полиция, и какие ее средства? 14 человек казаков, расположенных на 14 пикетах по всему уезду, вот и вся сила полиции... Одна слава, что пикеты, бродяги не раз находили на этих пикетах и пищу, и кров» [6, л. 7 об.].

В 1829 г. по распоряжению И. Г. Жеванова две сотни казаков распределялись по 6—18 человек в каждый из 12 уездов губернии для содействия земской полиции; в Казани — главном торговом центре — их было до 60—70 человек для усиления городской полиции и жандармской команды, состоявшей из 25 человек. Первоначально казаки привлекались в основном для ночных разъездов [30, л. 5 об.].

С. С. Стрекалов в 1832 г. просил Министерство внутренних дел прислать в губернию еще одну сотню казаков. Для расположения казачьих партий предполагалось выстроить в лесных и безлюдных местах по дорогам недорогие, но удобные помещения за счет земской повинности. Результатом обращения губернатора стало временное размещение в Казанской губернии с 1833 г. дополнительной сотни казаков Уральского и Оренбургского войск (по полусотне из каждого) для усиления охраны путей сообщения. Решение об этом было подписано военным министром графом А. И. Чернышевым после предъявленных губернатором доказательств увеличения числа преступлений в губернии. О своем решении военный министр уведомил министра внутренних дел Д. Н. Блудова и командующего отдельным Оренбургским корпусом генерал-адъютанта В. А. Перовского (в 1833—1842 гг. — оренбургский военный губернатор). Дополнительная сотня казаков была распределена следующим образом: в Козмодемьянском уезде — 25 человек, Ядринском и Чистопольском — по 20, Чебоксарском — 15, Мамадышском и Казанском — по 10. Предполагалось использовать эти силы ежегодно в продолжение «летних» шести месяцев.

В 1842 г. в Казань для полицейской службы была послана на два года одна команда в количестве 107 человек; вторая (27 человек) — в помощь инвалидной команде на один год; третья (53 казака) — на 6 месяцев [26, с. 113].

В 1844 г. из Еткульской станицы в Казань в помощь инвалидным командам было отправлено еще 20 казаков на двухгодичную службу [27, с. 177]. В 1855 г. через Лаишевский уезд в сторону Казани проходила Оренбургская казачья сотня в составе 2 обер-офицеров, 11 урядников, 157 казаков при 170 строевых лошадях [4, л. 62—62 об.]. После смерти Николая I стали распространяться слухи об освобождении крепостных крестьян. События 1856 г. создали настолько напряженную обстановку во всей России, что и местные, и центральные власти решили немедленно усилить аппарат наблюдения и подавления. Тетюшский и чистопольский земские исправники, а вскоре и другие, сообщали губернатору, что становые приставы, которых было 2—3 в каждом уезде, получили уже дополнительно по 4 казака [39, с. 299].

О распределении казаков по территории Казанской губернии сохранилось мало сведений. Наиболее полная информация содержится в архивных делах за 1866 и 1867 гг. Известно, что в 1866 г. в Оренбургской казачьей сотне, командированной в Казанскую губернию, по списку насчитывалось 173 человека (3 обер-офицера, 11 урядников и 159 казаков), которые были распределены по Казани и семи уездам губернии (Казанскому, Лаишевскому, Свяжскому, Цивильскому, Ядринскому, Царевококшайскому, Тетюш-

скому). Остальные уезды были заняты казаками Уральской казачьей сотни [9, л. 21]. Вновь прибывшая в 1867 г. в Казанскую губернию Оренбургская казачья сотня в составе 181 человека по распоряжению казанского губернатора была распределена несколько иначе: вместо Лаишевского и Тетюшского уездов казаки были направлены в Чебоксарский и Козмодемьянский уезды (табл. 1).

Таблица 1

Распределение казаков Оренбургской казачьей сотни по уездам Казанской губернии в 1867 г.

Уезд	Чин			Итого
	Штаб- и обер-офицер	Урядник	Казак	
	Количество, чел.			
Казанский	—	1	20	21
Царевококшайский	1	1	16	18
Чебоксарский	1	1	15	17
Козмодемьянский	—	1	15	16
Свияжский	—	1	14	15
Цивильский	—	1	12	13
Ядринский	—	1	11	12
Итого в уездах	2	7	103	112

Составлено по: [15, л. 26].

Назначением казаков в уезды занимался командир сотни войсковой старшина Красноярецев. Третья часть прибывших в 1867 г. людей (1 обер-офицер, 3 урядника и 51 казак) исполняли службу непосредственно в Казани: 6 казаков в городской полиции, по 6 казаков в каждой из пяти частей города, 12 казаков находились в ведении казанского брандмайора (начальника пожарной команды), трое оказывали помощь городской лесной страже [15, л. 26а]. Таким образом, из 181 человека 112 были распределены по уездам Казанской губернии, 55 — служили в Казани. Остальные 14 человек оставались «налицо», т.е. находились при казармах, 8 из них — «в постоянном домашнем расходе». В ходе службы их неоднократно командировали в другие уезды для решения возникавших там проблем.

Самой неприятной для казаков была служба в частях при пожарных командах г. Казани. В 1868 г. казаки Оренбургского казачьего войска, находившиеся в них, обратились к Красноярецеву с просьбой о замене их другими казаками, жалуюсь на то, что «служба их, как для них, так и для собственных их лошадей, противу других казаков сотни весьма обременительна» [16, л. 64]. Лошадь одного из казаков Оренбургской сотни, Данила Осокина, пострадала, что обусловило невозможность нести дальнейшую службу, но другого казака, командированного взамен него, брандмайор вернул обратно. Войсковой старшина написал прошение губернатору, и он разрешил осуществлять смену казаков у пожарных каждые 2 месяца при условии подачи ему соответствующего уведомления [16, л. 64—64 об.].

В 1869 г. казаки Оренбургской сотни были распределены следующим образом: при пожарной команде Казани — 12, при пяти частях города — 18, а остальные — в Казанском, Лаишевском, Свияжском, Цивильском, Чебоксарском, Козмодемьянском, Ядринском и Царевококшайском уездах [17, л. 3].

Количество казаков могло претерпевать изменения в ходе службы. Так, в 1869 г. казаки Оренбургского войска станицы Кундравинской Николай и Александр Аркадьевы со своими семьями были исключены из казачьего сословия с обращением в податное

состояние по Уфимской губернии и уезду. Предполагалось отпустить их на жительство в д. Ильтерьякову. Один из сыновей Александра, Егор, служил в Казанской губернии, другой сын, Павел, — в Туркестанском военном округе. Егор был отпущен со службы без замены его другим казаком [18]. Подобные случаи являлись одной из причин того, что реальная численность подразделения не соответствовала установленному штату.

Из отчета казанского губернатора видно, какое количество казаков проходило службу в Казанской губернии в 1869 г. (табл. 2).

Таблица 2

Количество казаков Оренбургской казачьей сотни в Казанской губернии в 1869 г.

Чин	Численность подразделения, чел.	
	Штатная	Фактическая
Штаб-офицер (войсковой старшина)	—	1
Обер-офицер (есаул, сотник)	4	2
Урядник	11	10
Приказной	5	5
Казак	161	146
Всего	181	164

Составлено по: [17, л. 22 об.].

Уральское казачье войско должно было направить в Казанскую губернию, согласно штату, 181 человека (четыре обер-офицера, 11 урядников, 166 казаков) с таким же количеством лошадей. В 1866 г. назначалась новая команда для несения полицейской службы в течение двух лет на смену находившимся здесь казакам (табл. 3).

Таблица 3

Распределение казаков Уральской казачьей сотни по уездам Казанской губернии в 1866 г.

Уезд	Чин			Итого
	Штаб- и обер-офицер	Урядник	Казак	
	Количество, чел.			
Чистопольский	1	1	24	26
Мамадышский	—	1	14	15
Спасский	—	1	14	15
Козмодемьянский	—	1	13	14
Чебоксарский	—	1	13	14
Итого в уездах	1	5	78	84

Составлено по: [9, л. 21 об.].

В Уральской сотне после распределения по уездам оставались: 1 штаб-офицер, 2 обер-офицера, 6 урядников и 88 казаков, которые получали ежедневные наряды для службы при начальствующих лицах, воинских управлениях, полицмейстере, на постах внутри сотни, на перевозах.

В Казани 58 казаков Уральской сотни в 1866 г. распределялись следующим образом: при казанском губернаторе — 3 человека, при губернаторской канцелярии — 3 (чередовались по одному через двое суток), при дворцовом здании — 4 (чередовались по двое через сутки), при полицмейстере — 6 (чередовались по двое через двое суток). На постоянной службе находились: при даче на Арском поле — 2, при вице-губернаторе — 1, Дворянском собрании — 1, казанском уездном исправнике — 1, перевозе на Волге — 4,

в драбантане¹ при офицерах сотни — 6, в карауле при амуниции — 3, при фураже и провианте — 3, у конюшен и ворот казарм — 2, при сотенной кухне — 3, при сотенном табуне — 10, вестовыми² при сотне — 2, при племенных занятиях — 1, являлись нарядчиками и раздатчиками провианта и фуража — 3.

Казаки Уральской сотни в количестве 9 человек вместе с лошадьми ежедневно направлялись: к начальнику губернии (1 человек), в его канцелярию (1), к полицеймейстеру (2), в Окружной штаб (1), в Управление воинского начальника (1), на Арское поле (2), на ферму (1) [17, л. 21].

В 1866 г. казанский военный губернатор М. К. Нарышкин попытался отменить распоряжения предшественников о назначении казаков к начальствующим чинам военного округа [8, л. 3]. Таким образом освободелось 11 казаков. В ответ на это комендант Казани рапортовал губернатору о том, что рассылать приказы по Казани и ее слободам, расположенным в разных частях, с пешими вестовыми не представляется возможным: «В случае неназначения верхового казака я вынужденным найдусь сложить с себя всякую ответственность по всем беспорядкам, по комендантской части могущим произойти, от несвоевременной передачи необходимых и экстренных распоряжений» [8, л. 7]. Результатом обращения стал приказ командующего войсками Казанского военного округа по-прежнему посылать двух казаков к начальнику Окружного штаба и непосредственно в Окружной штаб, одного — к губернскому воинскому начальнику, вопреки постановлению губернатора. М. К. Нарышкин обратился за разъяснениями к начальнику Главного штаба Ф. Л. Гейдену, который заявил о правоте начальника Окружного штаба³. Таким образом, попытки губернатора более рационально распределить казаков не увенчались успехом.

Бывало и так, что казаков использовали не для общественных, а для личных нужд. В апреле 1867 г. губернатор получил жалобу из Окружного штаба Казанского военного округа. Поручик Леонтьев произвел инспектирование казачьих сотен Уральского и Оренбургского войск, передал рапорт командующему войсками Оренбургского военного округа, дело дошло до военного министра и начальника управления иррегулярных войск. Леонтьев, по едкому замечанию казанского губернатора, «знал, где какой казак находится, кому и как чистит сапоги и платья...» [14, л. 34]. Было выявлено, что казаков держат при некоторых лицах «для личной прислуги», рассыльными, сборщиками податей и т.п. Выяснилось, что казак, состоявший при начальнике штаба Казанского военного округа Н. М. Батезатулле, «исполнял должность выездного лакея» [14, л. 38 об.]. После увольнения начальника штаба казаки были перераспределены.

На основании имеющихся источников невозможно получить исчерпывающее представление о качестве кадрового состава казачьих подразделений. Известно, что среди казаков Уральской сотни, служивших в Казани в 1866 г., были два человека, награжденные еще в 1864 г. Георгиевскими крестами — рядовые Федор Кирилин и Василий Герасимов [12, л. 1]. М. К. Нарышкин по их же просьбе ходатайствовал о вручении им орденов, которые по неизвестной причине выданы не были. Выяснилось, что Кирилин и Герасимов были «из тех 33 казаков, которые из всей Уральской сотни остались в живых после “Дела

¹ Драбанты — офицерская прислуга из нижних чинов в казачьих частях (денщики или вестовые офицеров).

² Вестовой — военнотружущий, состоящий для посылок и приказаний при начальнике.

³ Согласно Своду военных постановлений (2-е примечание), кн. II, ч. I, ст. 4985, назначение казаков должно было осуществляться исключительно по распоряжению гражданского начальства, а наблюдение за «общим благоустройством и внутренним порядком службы в этих казачьих частях» — по распоряжению военно-окружного начальства, на основании Положения об учреждении военных округов и Положения об управлении местными войсками военного округа (Свод военных постановлений, кн. II, ч. I, ст. 2, 7).

под Иканом» в Туркестанской области»¹. Наказной атаман Уральского казачьего войска генерал-майор Н. А. Веревкин подтвердил казанскому губернатору, что указанные лица действительно «из сотни войскового старшины Серова, бывшей в деле под Иканом», и написал, что сами знаки он не получил для вручения казакам, но сделал запрос о них командующему войсками Туркестанской области [12, л. 4]. Далее производство дела в канцелярии казанского губернатора было прекращено, и результат его неясен. Казакам было предложено обратиться к начальнику своей сотни.

В 1867 г. по уездам Казанской губернии было распределено 114 казаков Уральского казачьего войска, еще 8 человек дополнительно были направлены в г. Чистополь на пикетную службу [15, л. 25].

Казаки стремились попасть на службу в уезд. В Государственном архиве Республики Татарстан сохранилось «Дело о претензиях...» 24 казаков Уральской сотни к своему командиру за вымогательство с них денег за такое распределение в 1863 г. [5, л. 1—1 об.]. Казак Абрамов, служивший в Мамадышском уезде, заплатил командиру 25 руб., а Горбачев — 20 руб. серебром «за то, чтобы только оставил их в уезде» [5, л. 1].

Места службы казаков зависели от времени года². В летнее время в 1867 г. в Свияжский уезд требовалось 22 человека, но фактически их было 19, поэтому уездному исправнику приходилось перемещать пикеты [14, л. 2—3]. Зимой потребность в них уменьшалась. Исправник даже отправил из уезда обратно 9 казаков, оказавшихся ему ненужными [14, л. 31].

В весеннее время казаки осуществляли надзор за переправами через реки. Например, они препятствовали передвижению от устья р. Свияги до Услона по старой дороге, где лед был тонким (у берега только 6 вершков толщины³) и была вырыта канава, густо обставленная вокруг вехами, а предлагали передвигаться по новой, проложенной по середине реки Волги, где сохранялась необходимая толщина льда (5 четвертей⁴). На старой дороге были поставлены пикеты из двух казаков и шести обывателей. Но ямщики игнорировали новые требования и, считая действия казаков притеснением, подавали жалобы [16, л. 102—102 об.]. Губернатор написал свияжскому уездному исправнику в 1867 г.: «До сведения моего дошло, что на части зимней дороги по реке Волге сделан далекий и неудобный объезд; из поставленного же на том месте пикета казаки, вместо исполнения своей обязанности, стесняют проезжающих требованием денег за пропуск на ближайшую дорогу. Почему предписываю Вашему Высокоблагородию тотчас же отправиться,

¹ «Иканское дело» — пример подвига Уральской сотни казаков под командованием есаула Василия Серова в Средней Азии в начале декабря 1864 г. Казаки сражались с многократно превосходившим их по численности войском кокандского правителя Алимкула, насчитывавшего свыше 10 тыс. человек. Многие казаки погибли, умерли от ран [21, с. 70].

² Свияжский уездный исправник распределил имевшихся в его распоряжении казаков следующим образом: 1) с 19 по 27 марта 1867 г. для пикетов и «надзора при переправах» через Волгу и Свиягу: в с. Верхний Услон — 8 казаков и одного урядника, на Морквашинском пикете (возле с. Моркваша) — 2 казака, на Бурундукском перевозе (близ деревень Большие и Малые Бурундуки) — 2, при полицейском управлении в г. Свияжске — 3, на Свияжском пикете — 3 (всего 19 человек); 2) с 28 марта «на весеннее время до просушки»: в с. Верхний Услон при переправе через Волгу — 4 казака, на Московском тракте на Воробьевском пикете возле Чебоксарской границы (около д. Воробьевки) — 2 казака, на Бурундукском пикете — через р. Свиягу — 4 казака, при двух переправах в г. Свияжске — 8 казаков, по 2 человека на каждом берегу, при полицейском управлении — урядник с одним казаком для поручений; 3) весной, «при спаде вод», казаки должны были служить по 2 человека: по Московскому тракту — на пикетах Воробьевском, Качемировском, Печищенском, Услонском, по Симбирскому тракту — на Коргузинском, Бурундукском, Кармасарском, Бушанчинском, Корноуховском, Подберезенском и Ульяновском.

³ В метрических мерах 6 вершков — 26,67 см.

⁴ Четверть как мера длины означала четвертую часть аршина или 4 вершка (в метрических мерах — 17,75—17,78 см), т.е. указанная толщина составляла примерно 89 см.

лично осмотреть и распорядиться установлением дороги и восстановить там порядок, так, чтобы подобных сведений я уже более не получал» [16, л. 74].

Сведения о службе казаков в уездах содержатся в рапортах уездных исправников губернатору. Лаишевский уездный исправник докладывал губернатору в 1867 г., что все 12 казаков состоят при полицейском управлении, имеют в г. Лаишеве постоянные квартиры, трое «находятся в карауле при арестантской камере», один — при управлении, один — при сотнике Полозове, двое — при казачьих лошадях, остальные командуются для сопровождения арестантов и по другим делам от исправника и управления [14, л. 5—5 об.]. В апреле 1867 г. он просил предоставить ему еще несколько казаков для наблюдения за порядком и безопасностью проезжавших, а также «в видах преследования беглых и бродяг» при переездах через р. Каму в с. Шуран и д. Епанчино, а также через р. Мешу в с. Рождествено [14, л. 31]. Исправник отметил, что в былые годы в его распоряжении было 20 казаков Оренбургской сотни. Н. Я. Скарятин распорядился выделить на указанные цели еще 6 казаков.

Цивильский уездный исправник рапортовал губернатору, что по состоянию на март 1867 г. в его распоряжении был 1 урядник и 11 казаков, которые распределены на квартирах в тех селениях, где находились волостные правления, а с наступлением лета предполагалось их разместить на пяти пикетах, устроенных на почтовых и транспортных дорогах. При местном полицейском управлении и при станových управлениях казаков не было [14, л. 4].

Ядринский уездный исправник отмечал, что в уезде в последнее время увеличилось конокрадство — краденые лошади препровождались в соседний Буинский уезд Симбирской губернии, и поэтому он распорядился назначить трех казаков из девяти в окрестности села Норусово, где был «значительный базар», и откуда шли три дороги в Цивильский, Буинский и Курмышский уезды; двое казаков служили в полицейском управлении [14, л. 7—7 об.]. Остальные были распределены по двум переправам через р. Суру для наблюдения за безопасностью почт и всех проезжавших: по Цивильскому тракту в уездном городе Ядрине — 2, по Козмодемьянскому тракту — в деревне Иванькова 1 урядник и 1 рядовой. Пикетов в уезде не существовало.

Казакки направлялись в некоторые населенные пункты для предотвращения перехода в ислам крещеных «инородцев». Интересный факт привел Н. Я. Скарятин: «...целые селения татар, отпавших от православия в магометанство, которые нередко отказывались от выполнения требований полиции по их религиозным заблуждениям, однако ж с прибытием двух-трех казаков легко и скоро усмирялись, без всяких особенных мер» [17, л. 3].

В Тетюшском уезде в 1867 г. служили 16 казаков Оренбургской сотни: трое находились при полицейском управлении (1 урядник и 2 казака), 13 человек с начала осени были размещены в деревнях для наблюдения за проживавшими там крещеными татарами, уклонявшимися в ислам: «На время Великого поста остаются для исполнения христианских обязанностей в селениях: Красной Поляне — 1, Карланге — 1, Фролове — 1, Урюме — 1, Бигиеве¹ — 1 и в деревне Пролей Каша — 1», остальные — на перевозах через реку Волгу: по одному при Тетюшской, Лабышской, Сюкеевской, Богородской пристанях, Антоновском и Урюмском перевозах [14, л. 16]. В летнее время планировалось перевести казаков на пикеты.

В Мамадышском уезде в 1867 г. было 12 казаков: 2 казака по очереди служили в полицейском управлении, 10 командировались к станovým приставам и в волостные правления «для содействия при взыскании с крестьян казенных денежных сборов». С ноября по

¹ Так в источнике.

март они пребывали на отведенных квартирах в ближайшем от Мамадыша селе Красная Горка, поскольку было невозможно оставить их при пикетах — устроенные для пребывания казаков избы «от времени все разрушились», и, несмотря на обращения уездного исправника в мамадышскую земскую управу, к волостным правлениям с целью устранить нарушение через приписанных к отправлению пикетной повинности жителей, дело оказалось несделанным [14, л. 9—9 об.]. В зимнее время казаки несли полицейскую службу. Летом казаков предполагалось разместить в лесных местах — по Большому и Проселочному трактам — для поимки беглых и бродяг, «обеспечения безопасности проезжающих от неблагонамеренных людей» [14, л. 10].

В Козмодемьянском уезде служили 10 казаков и 1 урядник Уральского войска. Они временно направлялись в волостное правление «для содействия при взыскании с крестьян податей и недоимок», один казак состоял при полицейском управлении для «усиления полицейской команды», он менялся с товарищами через неделю, по заведенной очереди. Основная служба — пикеты. Причем распределены они были по одному человеку на каждом пикете по Московскому, Ядринскому, Вятскому трактам (кроме Петнурского моста у границы Васильского уезда Нижегородской губернии, где служили двое).

В Чебоксарском уезде первоначально было 11 казаков, распределенных по пикетам, расположенным вдоль Московского тракта и на берегах Волги, р. Илети. Командиру Оренбургской казачьей сотни было предписано увеличить число казаков в этом уезде на 3 человека [14, л. 14].

В Чистопольском уезде служили казаки Уральской сотни — 1 обер-офицер, 1 урядник, 14 рядовых. На пикетах, расположенных вдалеке от селений, не было теплых помещений, поэтому все казаки с 1 октября до 1 мая проживали в Чистополе. Служба их состояла в сопровождении пересыльных и вызываемых через управление людей, дежурстве при полицейском управлении; в безотлагательных случаях их использовали в качестве нарочных [14, л. 17].

В Спасском уезде в 1867 г. служили 1 урядник и 13 казаков Уральской сотни: 2 — в уездном городе Спасске при полицейском управлении, 5 — в селениях 1-го стана, 6 — в ведомстве 2-го стана, 1 урядник — при Спасском затоне компаний пароходного общества «Кавказ и Меркурий». Служба на пикетах проходила с 15 апреля по 15 октября, это считалось летним временем [14, л. 27]. В зимнее время 11 казаков, за неимением при дорогах и лесах теплых изб, были размещены в больших населенных пунктах, поблизости от пикетов. Кроме казаков, в Спасском уезде были расквартированы 2-й и 3-й батальоны Эстляндского пехотного полка.

Одним из главных предназначений казачьих подразделений на территории Казанской губернии была борьба с грабежами и разбоями. При появлении грабителей в каком-либо селе уездный исправник снимал казаков с пикетов и направлял на постой к местным жителям¹. В 1865 г. по предписанию казанского губернатора чистопольским уездным исправником для проведения облавы были расквартированы 44 уральских казака в четырех крайних пунктах района грабежей: в деревнях Щербени и Русский Темерлик — по 13 человек, Киреметь и Подлесная Шентала — по 9 человек. Они должны были собраться в центральном пункте — пригороде Билярске [6, л. 20]. Одновременно в деревнях Амзе и Кульбаевой Мурасе пребывали казаки Оренбургской казачьей сотни, направленные туда «на экзекуцию» [6, л. 2]. Таким образом исправник хотел заставить жителей выдать гра-

¹ По мнению исправника, местные жители содействовали грабителям, организуя им прибежище, из страха, что те, избежав наказания, придут мстить им и поджигать их дома. Он предполагал также, что крестьяне, желая избежать обременительного постоя, должны будут выдать преступников властям [6, л. 1 об. — 2].

бителей. Он докладывал позже в рапорте на имя казанского губернатора: «Жители же, ободренные прибытием казачьей команды, собранной мною в деревни Амзю и Кульбаеву Мурасу, выдали соучастников и укрывателей грабителей и составили приговор об удалении из их обществ 16 человек...», которые и были арестованы [6, л. 18 об.]. Кроме того, в 1865 г., не ограничиваясь открытыми преследованиями, исправник вместе с командиром Уральской сотни посылал «на базары и в места, в коих появлялись грабители, для секретного о них разведывания переодетых казаков и сыщиков...», но данные меры не приносили ожидаемого результата [6, л. 37].

На границу с соседним Спасским уездом чистопольский уездный исправник отправил 10 оренбургских казаков под руководством сотника для обнаружения сбежавшей туда вооруженной шайки разбойников. Пристанищем для них стал питейный дом в с. Салманы (имение помещика Теренина) [6, л. 54]. Благодаря слаженной работе обывателей, станowych приставов и казаков преследование увенчалось успехом — были пойманы 5 грабителей, 1 бегло-каторжный, 18 бродяг и беглых (всего 24 человека) [6, л. 56]. После прекращения грабежей казаки были переведены на службу из Чистопольского в другие уезды.

За поимку беглых крестьян предполагалось дополнительное вознаграждение, предусмотренное Сводом законов Российской империи (1842 г. издания, Устав о паспортах и беглых, Т. XIV, статьи 580, 582 и 584) [33, с. 107—108] и Сводом военных постановлений 1838 г. (Ч. III, кн. 1, статьи 478, 479, 480) [32, с. 110—112]. Выплаты производились из Казенной палаты после предоставления соответствующих сведений от городской и земской полиции¹.

Командиру Уральской казачьей сотни есаулу Маркову в 1847 г. было предписано прекратить беспорядки, которые случались по вине подведомственных ему казаков: они требовали квитанций от полицейского начальства за поимку крестьян, имевших право и без паспортов свободно передвигаться в ближайшие города и селения, и, под предлогом неимения «письменных видов», даже собирали с них деньги [3, л. 9—9 об.]. Губернатор пригрозил наказать его по всей строгости военных законов как «главного виновника, допустившего такие злоупотребления», обещал арестовать и отправить на гауптвахту. Аналогичные приказы были разосланы командирам Оренбургской и Уральской казачьих полусотен. Всем уездным земским исправникам предписано быть осмотрительнее в выдаче соответствующих квитанций.

В Казани казаки также участвовали в поимке беглых. В 1866 г. с работы сбежали 2 человека из арестантской роты, и 20 казаков Уральской сотни участвовали в их поиске совместно с приставом — ночью от Порохового завода до Бакалдинской пристани они были растянuty в длинную цепь, чтобы охватить всю местность, покрытую мелким кустарником.

Наибольшую обеспокоенность местных властей вызывали недоимки с населения. Как видно из рапорта казанского окружного начальника от 1854 г., казанский военный губернатор И. А. Боратынский «словесно дозволил» для «споспешествования к успеш-

¹ В 1846 г. губернатором И. А. Боратынским были установлены особые правила вознаграждения за поимку беглых людей [3]. Беглого необходимо было доставить к ближайшему начальнику городской или земской полиции, допросить его о месте жительства, возрасте, сословной принадлежности, а казаку выдать квитанцию о поимке с печатью и подписью должностного лица. Должностные лица были обязаны доносить губернатору как о всех пойманных лицах, так и о поймавших их казаках. Квитанции от волостных правлений и сельских расправ были более недействительны без удостоверения их полицейским начальством, так как на практике для получения вознаграждения происходила необоснованная их выдача как казакам, так и сельским обывателям, которые были обязаны безвозмездно задерживать людей без письменных видов.

нейшему сбору податей» с государственных крестьян использовать уральских казаков, расположенных контонир-квартирами в д. Ямашурме «не в видах экзекуции, а ради страха» [4, л. 1]. Окружной начальник направил 15 рядовых казаков в деревни Арской волости для содействия должностным лицам в поиске неплательщиков налогов. За это казаки получали по 15 коп. серебром на человека в сутки из «собственности окружного начальника». Практика привлечения казаков для сбора недоимок была эффективной и использовалась довольно часто.

Казаки, вопреки требованиям Устава о податях (Свод законов, Т. V, ст. 252), приписывались к Чистопольской городской думе для привода туда мещан, упорствовавших в уплате налогов или отказывавшихся подчиниться старостам мещанской конторы. Сделано это было по настоянию городского головы Е. И. Чукашева в начале 1860-х гг.¹ Дума, как выяснилось позже, действительно обращалась в полицейское управление с просьбой командировать двух полицейских, но, встретив отказ, прибегла к посредничеству уездного исправника, чтобы получить на несколько дней двух казаков. Губернатор Н. Я. Скарятин сделал замечание уездному исправнику, запретив отправлять впредь казаков в думу, отметив, что они присылаются не для сбора податей (сказано это было после получения губернатором предписания из Окружного штаба Казанского военного округа, о чем было упомянуто выше) [14, л. 18—18 об.].

Казаки часто направлялись в те населенные пункты, в которых происходили крупнейшие протесты. В 1831 г. в Чистопольском уезде было зарегистрировано волнение пахотных солдат² — 5000 ревизских душ³ отказывались от выполнения указа об уплате податей и об устройстве общественного управления. Пахотные солдаты держались за прежние привилегии, тогда как их поставили в один ряд с прочими государственными крестьянами. «Внушить» им повиновение явились сам вице-губернатор Е. В. Филиппов и подполковник Н. Д. Булыгин с солдатами и трехсотенным казачьим отрядом, возвращавшимся с Нижегородской ярмарки через Казань в Оренбург [38, с. 199—200]. Восставшие с трудом, но «вняли» этим внушениям [39, с. 278]. Протест был подавлен.

В источниках встречаются упоминания об использовании казачьих команд для охраны помещиков. По воспоминаниям А. Я. Панаевой, в 1839 г. «в имении графа Блудова стояла сотня казаков для усмирения бунтующих крестьян, которые до полусмерти избивали немца-управляющего. Новый управляющий иначе не выезжал в поле к работающим мужикам, как с заряженными пистолетами и в сопровождении казаков» [39, с. 300]. В 1852 г. казаки были откомандированы для «охраны личности Цветкова от его крестьян», что, впрочем, не уберегло его от убийства [39, с. 309].

Об усмирении мастеровых и рабочих суконной фабрики Осокиных историк Е. И. Чернышев писал: «28 января 1837 г. произошла ужасающая экзекуция над суконщиками. Явились во двор мануфактуры 2 роты солдат и полурота казаков⁴. Привезли с собой 4 пушки, несколько возов розог и цепи. Явилось высшее начальство губернии: губернатор Стрекалов, комендант Чертов, прокурор Солнцев, полицеймейстер Поль, жандармский полковник Булыгин и командир гарнизонного батальона Апехтин. Вокруг фабрики расставлена

¹ В уездном городе Чистополе городской голова впервые был избран в 1794 г.

² Пахотные солдаты — социальная группа, состоявшая из унтер-офицеров, рядовых и нестроевых, отправленных со службы в отставку и поселенных на свободных территориях вблизи границ, с правом «вечного» владения землей. В Казанской губернии они изначально были расселены в пригородах Новомешминске, Старомешминске, Заинске, Билярске и др.

³ Ревизская душа — единица ревизского учета лиц мужского пола, входивших в податные сословия, для налогообложения в Российской империи. Ревизские души записывались в специальные именные росписи — ревизские сказки.

⁴ Так в источнике. Вероятно, имеется в виду полусотня казаков.

цепь казаков и жандармов. Во дворе — солдаты с заряженными ружьями. Вызывая рабочих небольшими группами, требовали от них подписки в повиновении. Рабочие отказались дать подписку. Начиналось избиение. Секли сразу в пяти местах обширного двора. На крик и стоны пытались прорваться через цепь жены и семейные суконщиков, но казаки отгоняли их нагайками. Рабочих стегали до тех пор, пока не вынуждали согласия на подпись или пока они не теряли сознания» [39, с. 275].

19 мая 1842 г. крупное столкновение произошло в с. Акрамово Козмодемьянского уезда. Полковник Поль «умелыми действиями» разогнал толпу крестьян в 5000 человек; под караул было взято 464 человека. 20 мая чувашаи и мари образовали новую толпу в 4000 человек и направились освобождать арестованных накануне. Завязался бой. Крестьяне использовали колья, дубины, рогатины и отчасти ружья. Среди казаков было ранено 6 человек; у них же было заколото 2 лошади и переломано 14 пик. Из солдат легкораненых было 77 человек, перебито прикладов 68. Из крестьян было убито 8, тяжело ранено 39, легко ранено 192 и арестовано 186 [39, с. 285]. В уезде после событий 19 и 20 мая движение не только не прекратилось, а переместилось в соседние волости. Полковник просил новое подкрепление с двумя орудиями и солидным количеством картечи; имевшаяся в его распоряжении команда в 436 гарнизонных солдат и уральских казаков признавалась им недостаточной.

В 1852 г. произошло волнение на Кукморском, или Таишевском, медеплавильном заводе. Помещица О. И. Берг распорядилась перевести рабочих (считая их крепостными крестьянами) в с. Ольгино Мензелинского уезда, обещая предоставить землю, которой у них совсем не было в с. Кукморе, и работу на медных рудниках. Крестьяне воспротивились отправке в Ольгино, говоря, что «себя господскими не почитают, а признают, что они горные солдаты, и жены их солдатки»¹. Был выслан отряд казаков в 50 человек, оказавшийся маломощным, так как арест десяти зачинщиков поднял на сопротивление всю деревню; вотчинному начальству пришлось прибегнуть к вызову воинской команды [39, с. 277].

В период службы казачьи подразделения обращались за медицинской помощью. Проблема охраны здоровья казаков обострилась в 1867 г. Заведующий «сифилистическим» отделением Казанского военного госпиталя сообщил о заболевании сифилисом нижних чинов, которые в течение нескольких недель остаются при своих командах, а в госпиталь прибывают «или с сильно развитыми первичными или уже начавшимися вторичными припадками»; больные такого рода «прибывают преимущественно из казанских сборной и полицейских команд и казачьих сотен» [13, л. 1]. Губернский воинский начальник отдал приказ по гарнизону, чтобы командиры отдельных частей войск своевременно отправляли больных в госпиталь. Отныне за состоянием здоровья казаков должен был следить врач — городской лекарь Колонтаев [13]. Он должен был совершать еженедельные обходы казарм и свидетельствовать, нет ли больных, а также приезжать по вызову начальника сотни. О случаях уклонения врача от этих обязанностей предписывалось докладывать лично губернатору.

В случае заболевания казаков командир казачьей сотни войсковой старшина Красноярцев должен был донести об этом начальнику 3-го военного округа, наказному атаману (в 1867 г. — генерал-майору К. Н. Бабарыкину), а тот, в свою очередь, казанскому губернатору. Оказались неспособными нести службу в 1867 г. Петр и Василий Ерыкаловы,

¹ Крестьяне считали себя приписными, и когда в 1851 г. мануфактура закрылась, уполномоченный от 531 души крестьянин В. Л. Богомоллов подал ходатайство в Сенат и лично императору о перечислении их в казенное ведомство с выдачею из казны владелице вознаграждения, но получил отказ. Горные солдаты, подчиненные горному начальству, занимались охраной казенных горных заводов Урала (караванов с рудой, денежной казной).

Михайло Иштерьяков [16, л. 110]. Двух последних отправили в отставку, а Петра — во «внутренний разряд», так как он был признан негодным к службе на фронте. Их отправили в Оренбургское войско без замены другими.

Пересменки казачьих подразделений

Казачьи команды регулярно менялись. Командир Оренбургской казачьей сотни войсковой старшина Соколов, располагаясь на территории Казанской губернии, в 1867 г. направил рапорт казанскому губернатору, из которого мы узнаем о процедуре смены офицеров, которая повторялась «по примеру прежних лет»: необходимо было собрать сотню в Казани за 3 дня до выступления в поход, который был назначен на 1 августа 1867 г. Сбор казаков планировалось завершить 29 июля, чтобы к этому дню все, служащие в уездах, могли прибыть в Казань. Из г. Ядрина команды выдвигались 15 июля, из городов Цивильска, Тетюшей и Царевококшайска — 20 июля. Другая смена прибывала в Казань только 22 июля, и, чтобы не оставлять уезды без охраны, туда временно командировали казаков Уральской сотни [15, л. 5]. К моменту ухода оренбургских казаков в Ядринском и Цивильском уездах было сосредоточено по 6 человек из Уральской сотни (1 урядник и 5 казаков), а в Тетюшском и Царевококшайском — по 9 человек (1 урядник и 8 казаков). Это была половина от необходимого количества. В такие периоды войсковому старшине обычно не хватало людей для смены караулов. Тем не менее казанский губернатор предписал командиру Уральской сотни увеличить количество казаков в указанных уездах до необходимых значений [15, л. 7]. Казаки Уральской сотни проживали здесь на квартирах, хозяева которых получали за это оплату от начальника сотни (через уездных исправников).

По прибытии в Казань казаки Оренбургского казачьего войска временно размещались в казарме, занимаемой Уральской казачьей сотней (тем более за высылкой казаков в уезды там появлялось много свободного места).

Поручик Леонтьев, обследовавший войска, заметил дурное устройство казарм для содержания казаков¹, высказался негативно о размещении в одном городе Казани казаков из разных сотен, жаловался на «нравственную порчу» казаков [14, л. 41]. Губернатор парировал, что Леонтьев инспектировал войска непродолжительное время, поэтому не должен был делать таких выводов, а сделал их, вероятно, на основании послужных списков и аттестации казаков, некоторые из которых не прошли эту процедуру. Более того, по мнению губернатора, казаки находились в Казанской губернии непродолжительное время, ежегодно меняясь: «...в один год сменяется 1¼ сотни Оренбургского войска, а в другой год 1¼ сотни Уральского...», потому их командировка «не может иметь вредного влияния ни на нравственность, ни на отвычку их от службы» [14, л. 41 об.].

Финансирование казачьих войск

Существовало несколько источников финансирования казачьих войск. Средства на жалованье казакам, фураж², провиант, приварочные³ поступали из казны, жалованье войсковому старшине, есаулу и сотнику — и из казны, и из самого войска. Так, например, в 1868 г. есаул Уральской сотни получал от казны 123 руб.⁴, сотник — 88 руб. 80 коп., хорунжий — 71 руб. 55 коп. (всего в команде, присланной от Уральского войска, их было двое), старший урядник — 32 руб. 10 коп. (их было 6 чел.), младший урядник — 26 руб.

¹ Следует отметить, что в 1868 г. Казанская городская дума выделила из городских доходов 499 руб., а в 1869 г. — 3000 руб. на ремонт казарм Уральской казачьей сотни [17, л. 26—27].

² Фураж — корм для лошадей. В сутки на одну лошадь полагалось 20 фунтов сена и по 2,13 гарнца овса, т.е. в метрических мерах 8,2 кг и 7 л соответственно [17, л. 22].

³ Приварок — пищевое довольствие войск (мясом или рыбой, солью, овощами и другими припасами, предназначенными для приготовления горячей пищи).

⁴ Все расчеты производились в серебряных рублях.

25 коп. (также 6 чел.), казак (165 человек) — 24 руб. 45 коп. За «Орден св. Георгия 4-й степени»¹ полагалась надбавка — уряднику 6 руб. 85 коп., казаку — 2 руб. 20 коп. в год [17, л. 20]. Из войска есаулу доплачивали 184 руб. 5 коп., сотнику — 150 руб., хорунжему — 138 руб., урядникам и казакам — от 150 до 175 руб. Каждый казак получал из казны 2½ коп. приварочных денег в сутки (9 руб. в год); 104 человека провиант получали натурой, а остальные — деньгами [17, л. 22].

Деньги за наем жилья поступали из Квартирной комиссии², их получали только офицеры и нижние чины, находившиеся на службе в Казани: войсковой старшина — 171 руб. 30 коп., есаул — 184 руб. 5 коп., сотник — 150 руб. [17, л. 2]. Из них первые два получали дополнительно квартирные деньги от земства.

От Интендантства³ нижние чины получали ремонтные деньги в размере 21 руб. 45 коп. в год на человека (на починку снаряжения), фураж для строевых лошадей (средства на него выделялись из Казанской городской думы). В 1860 г. командир Отдельного Оренбургского корпуса генерал-адъютант Катенин обратился с ходатайством в Управление иррегулярных войск Военного министерства об обеспечении фуражом лошадей в течение года. Военный совет постановил: «Команде Оренбургского казачьего войска из 25 казаков, наряжаемой от сотни, находящейся в г. Казани в помощь этапным командам Казанской губернии и получающей ныне фуражное довольствие в течение 7 месяцев в году, производить сухой фураж на лошадей в течение круглого года, требуя дополнительный на этот предмет расход до 382 руб. 81 ¼ коп. по сметам внутреннего Провиантского управления» [31, л. 1—1 об.]. После утверждения данного постановления императором министр внутренних дел С. С. Ланской дал соответствующее распоряжение начальнику Казанской губернии. По штату в Оренбургской казачьей сотне полагалось иметь при войске 181 строевую лошадь, в 1869 г. фактически насчитывалось 165 лошадей, по одной на каждого казака и еще одна запасная [17, л. 22 об.].

Общая сумма расходов на содержание обоих войск в 1857 г. составляла 37 715 руб. 43 ¾ коп., в 1868 г. — 37 449 руб. 62 коп. Рассмотрим основные статьи расходов на содержание Оренбургской и Уральской казачьих сотен во время их службы на территории Казанской губернии (табл. 4).

Таблица 4

Расходы на содержание Уральской и Оренбургской казачьих сотен, находившихся на службе в Казанской губернии, руб.

Статья расходов	1857 г.		1868 г.	
	Уральская сотня	Оренбургская сотня	Уральская сотня	Оренбургская сотня
Фураж (овес, сено)	8639,09	6400,51½	10442,32	8065,89
Провиант (мука, крупа)	1581,39¼	2262,54¼	1275,51 ¼	2761,18½
Приварок	1515, 32½	1483,32½	1682, 10	1480,32½
Жалованье (офицерам и нижним чинам)	1074,73¾	1285,42¼	1158,26	995, 98¾
Ремонтные деньги	3746,60	3594,01½	4244,5	3643,99
Квартирные деньги (в том числе отопление и освещение)	1053,90	1115,31¼	—	—

¹ Вероятно, в тексте источника имелся в виду Знак отличия Военного Ордена Св. Георгия (Георгиевский крест), которым награждались нижние чины.

² Квартирная комиссия была учреждена в 1808 г. в городах для распределения воинского постоя.

³ Интендантство — один из органов военной администрации, занимавшийся снабжением армии и войсковым хозяйством.

Статья расходов	1857 г.		1868 г.	
	Уральская сотня	Оренбургская сотня	Уральская сотня	Оренбургская сотня
Ремонт казенных зданий	163,10	—	—	—
Лечение больных*	816,33¾	1630,20	—	—
Провиант (отпущен натурой)	—	—	1700	—
Итого	18 590,48	17 771,33¾	20 502,24¼	16 947,37¾
Всего	37 715,43¾		37 449,62	

Составлено по: [17, л. 6—12].

* Для Уральской сотни указана сумма за 1979 дней, по 41 ¼ коп. в день; для Оренбургской сотни — за 3952 дня по 41 ¼ коп.

В процессе возвращения Оренбургской казачьей сотни на родину в 1857 г. было дополнительно затрачено 1353 руб. 62 ¼ коп.: на продовольствие (муку, крупу и приварок) — 420 руб. 54 ¾ коп., в качестве ремонтных денег для вновь прибывшей сотни — 933 руб. 7 ½ коп. [17, л. 6 об.].

Снабжение проходивших войск обеспечивалось местными жителями. Например, крестьянин с. Билярска Чистопольского уезда Казанской губернии И. Кручинин в 1866 г. предоставил суточное продовольствие казакам Уральской сотни, за что получил по распоряжению казанского губернатора от чистопольского уездного исправника (а последний — от командира Уральской казачьей сотни) 6 руб. 33 коп. [11].

Случаи девиантного поведения

Среди казаков бывали случаи как ответственного несения службы, так и девиантного поведения. Приведем в пример рапорт ядринского уездного исправника Михайлова казанскому губернатору от 22 декабря 1867 г.: «Присланные на службу в Ядринский уезд при отношении командира Оренбургской казачьей сотни г[осподина] Красноярцева от 1-го августа сего 1867 года за № 94 казаки в числе 11 человек при одном уряднике почти все, не исключая и самого урядника, оказались людьми нетрезвыми и неблагонадежными к исполнению полицейских обязанностей, так что от них кроме вреда по службе нельзя ожидать никакой пользы. Постоянное их пьянство и дебоширство поставляют меня и подчиненных мне чиновников в крайнее затруднение, производя нередко остановку в делах, не терпящих отлагательств времени. Все принимаемые к исправлению меры остаются совершенно безуспешными, и тем более невозможно ожидать от них исправления, что начальник этой команды урядник Петр Жуков постоянно вместе с ними пьянствует и по вытрезвлении тотчас же напивается вновь до бесчувствия» [14, л. 29—29 об.]. Исправник просил заменить этих казаков на других, но прошение его удовлетворено не было. На рапорте была проставлена резолюция: «Предписать по сему предмету уряднику Оренбургской сотни».

В 1865 г. рассматривалось дело о буйстве казаков Оренбургской казачьей сотни Лебедева и Домрачева. Казаки «в ночное время были пьяными, производили буйство и драку, изорвали у ночного караульщика рубаху», ушли из-под ареста, после повторного задержания начали ломать дверь и окна в арестантской комнате. Лебедева связали, он нанес мамадышскому уездному исправнику Орлову публичное оскорбление, после которого последовали рапорт начальнику Казанской губернии и формальное следствие [7]. Позже уездный исправник, по ходатайству командира сотни есаула Соколова, «снисходя к молодости лет казака», нашел возможным простить Лебедеву личную обиду [7, л. 4]. Мама-

дышский уездный судья Федоров готов был произвести суд, но из-за примирения сторон и по разрешению губернатора дело было прекращено.

Свияжский уездный исправник принес жалобу казанскому губернатору на непослушание урядника А. Дмитриева. Исправник с другими чиновниками и казаками вышли в мундирах на перевоз для встречи самого губернатора, а Дмитриев, несмотря на приказ, «осмелился явиться туда без формы в шинели полурасстегнутой, красной рубашке сверх штанов и нанковых шароварах», за что был арестован. Когда ему было приказано явиться к исправнику, чтобы отправиться затем на ярмарку в с. Утяково, Дмитриев отказался идти из-под ареста. В результате исправник отправил его обратно в команду. Губернатор предписал командиру сотни подвергнуть Дмитриева суровому взысканию [14, л. 46—46 об.].

В 1866 г. казаки Уральской сотни были арестованы начальником команды Оренбургского казачьего войска полковником Савиным. Уральские казаки, служившие в Казани, увидев во время ночного рейда на пристани пароходного механика шведского подданного Отто Ганстрема, вышедшего с судна прогуляться, напали на него и угрожали нагайками. Избитый просил помощи и «за оскорбление удовлетворения» у оренбургских казаков, отправлявшихся на барже до Нижнего Новгорода и остановившихся у казанской пристани для пополнения фуража и продовольствия. Арестованные уральские казаки заявляли, «что они могут брать кого захотят» [10, л. 6]. После освобождения из-под ареста команда уральских казаков в составе 15 человек «въехала в кучу оренбургских казаков и стали беседовать» [10, л. 7 об.].

Вывод казачьих подразделений из Казанской губернии

В 1869 г. началась процедура замены казаков конной полицейской стражей, и с тех пор новых казаков уже не присылали на смену прежним [17]. Начальник Казанской губернии получил в 1869 г. от министра внутренних дел генерал-адъютанта А. Е. Тимашева распоряжение предоставить ему сведения о количестве казаков, находившихся в губернии «в видах усиления полицейских средств», о том, какие исключительные обстоятельства вызвали это усиление, каким числом вольнонаемных полицейских служителей можно заменить казаков и какое количество казаков можно отпустить немедленно на внешнюю службу, в какую сумму может обойтись организация конной полицейской команды [17, л. 1—1 об.]. По поручению А. Е. Тимашева казанский и пермский губернаторы, директор Департамента полиции исполнительной в мае 1869 г. приступили к обсуждению вопроса о замене казаков, находившихся в этих двух губерниях [17, л. 27 об.]. Было решено отпустить половину казаков в обеих губерниях, оставив другую половину до организации конных вольнонаемных полицейских объездчиков. Согласно постановлению министра, казаки могли оставаться в губерниях до завершения навигации 1869 г., в крайнем случае — до начала навигации 1870 г. [17, л. 34]. Постановление обсуждалось в Кабинете министров и было утверждено императором 4 июля 1869 г. Это совпало с проводимыми правительством изменениями состава Оренбургского казачьего войска в 1867 г. [29], а также юридического статуса казачества в 1869 г. [2, с. 58].

Н. Я. Скарятин настаивал на том, что нельзя быстро, до создания конной команды, выводить казаков из губернии — они хорошо и быстро справлялись с преследованием и поимкой беглых и дезертиров, в последние годы «робко и одиноко» укрывавшихся в лесах.

Губернатор считал возможным отпустить из губернии сотню казаков Оренбургского казачьего войска, которые были присланы сюда в 1867 г. и срок пребывания которых истекал, и оставить последнюю партию уральских, которые начали службу в губернии с 1868 г. Кроме того, по личному мнению губернатора, «казаки из Оренбургского казачье-

го войска для исполнения полицейской службы менее способны, чем казаки Уральского войска» [17, л. 3].

Чтобы организовать конную команду, были собраны сведения о предполагаемых расходах. По данным Пожарного комитета Казани, на содержание одной лошади в 1869 г. тратилось 55 руб. 89 коп. (покупка 182 пудов и 20 фунтов¹ сена обходилась в 27 руб. 37 ½ коп., 11 четвертей, 3 четвериков и 2 гарнцев овса² — в 28 руб. 51 ½ коп.) [17, л. 4—4 об.].

Итак, командирование отрядов в Казанскую губернию было отменено в 1869 г. [24, с. 98; 26, с. 114] (в литературе встречается дата 1868 г. [27, с. 170]), только одна Уральская сотня продолжала служить в Казани до 1870 г. [22, с. 64; 25, с. 170].

Заключение

Рассмотренный материал позволяет сделать вывод, что Оренбургская и Уральская казачьи сотни успешно выполняли возложенные на них местной властью задания. Служба их была сопряжена с походами, длительным пребыванием на территории Казанской губернии в условиях минимального комфорта. Содержание казаков, включая организацию питания, постоев, лечения, существенно отягощало как местную, так и войсковую казну. Но эти расходы были оправданы тем значением, которое имела их служба. Представляя собой высокоподвижное формирование, оснащенное оружием и лошадьми, казачьи сотни могли достаточно быстро реагировать на изменение оперативной обстановки и осуществлять поимку преступников. В Казанской губернии на них возлагались функции охраны общественного порядка, надзора за торговлей и ремеслом, борьбы с беглыми крепостными, дезертирами, «ссылочными», работа по предупреждению пожаров и служба в составе пожарных команд, выполнение поручений в качестве рассыльных, а также помощь администрации в сборе налогов и податей. Казачьи подразделения активно привлекались для подавления народных волнений. Казаки оказывали сильное психологическое воздействие на местное население, их присутствие использовалось властями в качестве меры, по их мнению, сдерживавшей реисламизацию крещеных татар.

Список источников

1. Аминов Р. Р. Татары-казаки в составе Оренбургского казачьего войска (1748—1917 гг.). Казань : Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 348 с.
2. Буртный К. П. Место и роль казачества в военной политике России: традиции и современность (на историческом опыте казачества Урала) : дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. 192 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф. 1. Оп. 2. Д. 525.
4. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1085.
5. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1966.
6. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2208.
7. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2253.
8. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 4.
9. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 28.
10. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 88.
11. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 92.
12. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 182.
13. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 595.
14. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 715.
15. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 716.
16. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 732 а.
17. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1852.

¹ 1 пуд — в метрических мерах 16 кг 380 г; 1 фунт — 409,5 г, или 0,410 кг, т.е. указанная масса соответствовала примерно 3 т.

² Четверть — мера сыпучих товаров (хлеба), которая соответствовала четвертой доле старинной кади (кадки), а в метрических мерах 210 л. 3 четверика составляли 78,71 л, 2 гарнца — 6,56 л.

18. ГА РТ. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1921.
19. Годовова Е. В. Оренбургское казачье войско в 1798—1865 годах. Самара : Универс групп, 2007. 224 с.
20. Годовова Е. В. Повседневная жизнь российского казачества во второй половине XIX — начале XX в. СПб. : Дмитрий Буланин, 2020. 464 с.
21. Дубовиков А. М. Роль российского казачества в присоединении Средней Азии к Российской империи (на примере Уральского казачества) // Карельский научный журнал. 2016. Т. 5, № 2 (15). С. 67—73.
22. Дубовиков А. М. Уральское казачество в пореформенный период, 1861—1904 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Самара, 2000. 184 с.
23. Дубовиков А. М. Уральское казачество в системе российской государственности (XVIII — начало XX в.). Тольятти : Изд-во ТГУС, 2007. 308 с.
24. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления, полковником П. И. Авдеевым. 1873 г. Оренбург : Издание Оренбургского казачьего войска, 1904. 183 с.
25. Казин В. Х. Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей: Справочная книга Императорской Главной Квартыры / под ред. В. К. Шенка. СПб. : Тип. В. Д. Смирнова, 1912. 462 с.
26. Кобзов В. С., Шадрин В. М. Не славы ради. Оренбургское казачество в государственно-правовой системе Российской империи. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2003. 190 с.
27. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. Самара ; Челябинск : [Б. и.], 2008. 478 с.
28. Махрова Т. К. Взаимоотношения казачества и государственной власти в XVIII — начале XX в. (на материалах Оренбургского и Уральского казачьих войск) : дис. ... д-ра ист. наук. Челябинск, 2004. 500 с.
29. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 42. Отд. 1. СПб. : Тип. II Отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1871. № 44787.
30. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1286. Оп. 5. Д. 497.
31. РГИА. Ф. 1286. Оп. 21. Д. 508.
32. Свод военных постановлений. Ч. 3. Кн. 1. СПб. : Тип. II Отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1838. 902 с.
33. Свод законов Российской империи. [Т. 14]. Ч. 3. СПб. : Тип. II Отделения собственной е.и.в. канцелярии, 1842. 718 с.
34. Соклаков А. Ю. Комплектование казачьих формирований и порядок службы казаков Российской империи в XIX — начале XX в. : дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 270 с.
35. Соловьев Д. Н. Казачество как мобилизационный ресурс Российского государства (XV — конец XX века) : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2011. 650 с.
36. Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год, составленное из официальных сведений под руководством директора департамента полиции исполнительной тайного советника Шгера. СПб. : Тип. Ивана Глазунова, 1829. 95 с.
37. Столетие военного министерства. 1802—1902 / гл. ред. Д. А. Скалон. [Т. 11. Ч. 3] : Воинская повинность казачьих войск: Исторический очерк. СПб. : Тип. поставщиков двора е.и.в. Товарищества М. О. Вольф, 1907. 683 с.
38. Хайрутдинов Р. Р. Управление государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII — первая треть XIX в.). Казань : Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2002. 224 с.
39. Чернышев Е. И. Социально-экономические очерки по истории Казанского края в XIX веке (дореформенный период) / сост., автор предисл., примеч. и указателей Н. А. Корева ; под ред. И. К. Загидуллина. Казань : Татарское кн. изд-во, 2022. 383 с.
40. Шадрин В. М. Полицейские функции уральских казаков // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 2 (80). С. 12—17.
41. Шадрин В. М. Разграничение полицейских функций Оренбургского казачьего войска в XVIII — первой половине XIX века // Вестник Челябинского государственного университета. 1998. № 1 (8). С. 31—37.

References

1. Aminov R. R. *Tatary-kazaki v sostave Orenburgskogo kazach'ego voiska (1748—1917 gg.)* [Tatar Cossacks in the Orenburg Cossack Army (1748—1917)]. Kazan, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT Publ., 2017. 348 p. (In Russian)
2. Burtnyi K. P. *Mesto i rol' kazachestva v voennoi politike Rossii: traditsii i sovremennost' (na istoricheskom opyte kazachestva Urala): dis. ... kand. polit. nauk* [The Place and Role of the Cossacks in the Military Policy

- of Russia. Traditions and Modernity (Based on the Historical Experience of the Ural Cossacks). Cand. Dis.]. Moscow, 1998. 192 p. (In Russian)
3. *Gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Tatarstan* [State Archives of the Republic of Tatarstan] (GA RT). F. 1. Op. 2. D. 525.
 4. GA RT. F. 1. Op. 2. D. 1085.
 5. GA RT. F. 1. Op. 2. D. 1966.
 6. GA RT. F. 1. Op. 2. D. 2208.
 7. GA RT. F. 1. Op. 2. D. 2253.
 8. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 4.
 9. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 28.
 10. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 88.
 11. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 92.
 12. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 182.
 13. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 595.
 14. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 715.
 15. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 716.
 16. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 732 a.
 17. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 1852.
 18. GA RT. F. 1. Op. 3. D. 1921.
 19. Godovova E. V. *Orenburgskoe kazach'e voisko v 1798—1865 godakh* [Orenburg Cossack Army in 1798—1865]. Samara, Univers grupp Publ., 2007. 224 p. (In Russian)
 20. Godovova E. V. *Povsednevnyaya zhizn' rossiiskogo kazachestva vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.* [Everyday life of the Russian Cossacks in the second half of the 19th — early 20th centuries]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2020. 464 p. (In Russian)
 21. Dubovikov A. M. Rol' rossiiskogo kazachestva v prisoedinenii Srednei Azii k Rossiiskoi imperii (na primere Ural'skogo kazachestva) [The role of Russian Cossacks in the accession of Central Asia to the Russian Empire (on the example of Ural Cossacks)]. *Karel'skii nauchnyi zhurnal — Karelian Scientific Journal*, 2016, vol. 5, no. 2 (15), pp. 67—73. (In Russian)
 22. Dubovikov A. M. *Ural'skoe kazachestvo v poreformennyi period, 1861—1904 gg. : dis. ... kand. ist. nauk* [Ural Cossacks in the Post-Reform Period, 1861—1904. Cand. Dis.]. Samara, 2000. 184 p. (In Russian)
 23. Dubovikov A. M. *Ural'skoe kazachestvo v sisteme rossiiskoi gosudarstvennosti (XVIII — nachalo XX v.)* [Ural Cossacks in the System of Russian Statehood (XVIII — early XX centuries)]. Tolyatti, TGUS Publ., 2007. 308 p. (In Russian)
 24. *Istoricheskaya zapiska ob Orenburgskom kazach'em voiske, sostavlenaya sovetnikom Voiskovogo khozyaistvennogo pravleniya, polkovnikom P. I. Avdeevym. 1873 g.* [Historical note on the Orenburg Cossack Army, compiled by the adviser to the Military Economic Board, Colonel P. I. Avdeev. 1873]. Orenburg, Izdanie Orenburgskogo kazach'ego voiska Publ., 1904. 183 p. (In Russian)
 25. Kazin V. Kh. *Kazach'i voiska. Kratkaya khronika kazach'ikh voisk i irregularnykh chastei: Spravochnaya kniga Imperatorskoi Glavnoi Kvartiri* [Cossack troops. Brief chronicle of the Cossack troops and irregular units: Reference book of the Imperial Headquarters]. St. Petersburg, Tip. V. D. Smirnova Publ., 1912. 462 p. (In Russian)
 26. Kobzov V. S., Shadrin V. M. *Ne slavy radi. Orenburgskoe kazachestvo v gosudarstvenno-pravovoi sisteme Rossiiskoi imperii* [Not for glory. Orenburg Cossacks in the state and legal system of the Russian Empire]. Moscow, Mosk. un-t Publ., 2003. 190 p. (In Russian)
 27. Kuznetsov V. A. *Irregularnye voiska Orenburgskogo kraia* [Irregular troops of the Orenburg region]. Samara, Chelyabinsk, 2008. 478 p. (In Russian)
 28. Makhrova T. K. *Vzaimootnosheniya kazachestva i gosudarstvennoi vlasti v XVIII — nachale XX v. (na materialakh Orenburgskogo i Ural'skogo kazach'ikh voisk): dis. ... d-ra ist. nauk* [Relations between the Cossacks and the state authorities in the 18th — early 20th centuries (based on materials from the Orenburg and Ural Cossack troops). Dr. Dis.]. Chelyabinsk, 2004. 500 p. (In Russian)
 29. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobr. 2. T. 42. Otd. 1* [Complete collection of the Russian Empire laws. Coll. 2. Vol. 42. Section 1]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstvennoi e.i.v. kantselyarii Publ., 1871, no. 44787. (In Russian)
 30. *Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv* [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 1286. Op. 5. D. 497.
 31. RGIA. F. 1286. Op. 21. D. 508.
 32. *Svod voennykh postanovlenii. Ch. 3. Kn. 1* [Code of military regulations. Part 3. Book 1]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstvennoi e.i.v. kantselyarii Publ., 1838. 902 p. (In Russian)

33. *Svod zakonov Rossiiskoi imperii. (T. 14). Ch. 3* [Code of laws of the Russian Empire. (Vol. 14). Part 3]. St. Petersburg, Tip. II Otdeleniya sobstvennoi e.i.v. kantselyarii Publ., 1842. 718 p. (In Russian)
34. Soklakov A. Yu. *Komplektovanie kazach'ikh formirovaniy i poryadok sluzhby kazakov Rossiiskoi imperii v XIX — nachale XX v.: dis. ... kand. ist. nauk* [Recruitment of Cossack formations and the order of service of the Cossacks of the Russian Empire in the 19th — early 20th centuries. Cand. Dis.]. Moscow, 2004. 270 p. (In Russian)
35. Solov'ev D. N. *Kazachestvo kak mobilizatsionnyi resurs Rossiiskogo gosudarstva (XV — konets XX veka): dis. ... d-ra ist. nauk* [Cossacks as a mobilization resource of the Russian state (15th — late 20th century). Dr. Dis.]. St. Petersburg, 2011. 650 p. (In Russian)
36. *Statisticheskoe izobrazhenie gorodov i posadov Rossiiskoi imperii po 1825 god, sostavlennoe iz ofitsial'nykh svedenii pod rukovodstvom direktora departamenta politsii ispolnitel'noi tainogo sovetnika Shtera* [Statistical representation of cities and towns of the Russian Empire by 1825, compiled from official data under the supervision of the director of the police department of the executive privy counsellor Shter]. St. Petersburg, Tip. Ivana Glazunova Publ., 1829. 95 p. (In Russian)
37. *Stoletie voennogo ministerstva. 1802—1902 (T. 11. Ch. 3): Voinskaya povinnost' kazach'ikh voisk: Istoricheskii ocherk* [A century of the military ministry. 1802—1902 (Vol. 11. Part 3). Military service of the Cossack troops. Historical essay]. St. Petersburg, Tip. postavshchikov dvora e.i.v. Tovarishchestva M. O. Vol'f Publ., 1907. 683 p. (In Russian)
38. Khairutdinov R. R. *Upravlenie gosudarstvennoi derevnei Kazanskoi gubernii (konets XVIII — pervaya tret' XIX v.)* [Management of the state village of the Kazan province (late 18th — first third of the 19th century)]. Kazan, In-t istorii AN RT Publ., 2002. 224 p. (In Russian)
39. Chernyshev E. I. *Sotsial'no-ekonomicheskie ocherki po istorii Kazanskogo kraia v XIX veke (doreformennyi period)* [Socio-economic essays on the history of the Kazan region in the 19th century (pre-reform period)]. Kazan, Tatarskoe kn. izd-vo Publ., 2022. 383 p. (In Russian)
40. Shadrin V. M. *Politseiskie funktsii ural'skikh kazakov* [Police functions of the Ural Cossacks]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2007, no. 2 (80), pp. 12—17. (In Russian)
41. Shadrin V. M. *Razgranichenie politseiskikh funktsii Orenburgskogo kazach'ego voiska v XVIII — pervoi polovine XIX veka* [Division of police functions of the Orenburg Cossack army in the 18th — first half of the 19th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Chelyabinsk State University*, 1998, no. 1 (8), pp. 31—37. (In Russian)

Информация об авторе

Н. А. Кореева — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Information about the author

N. A. Koreeva — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher

Статья поступила в редакцию 08.04.2024; одобрена после рецензирования 10.07.2024;
принята к публикации 20.08.2024

The article was submitted 08.04.2024; approved after reviewing 10.07.2024;
accepted for publication 20.08.2024